

*Посвящается моей жене Мохинисо —
с ней связано все лучшее, что случилось со мной*

Подобно огромной змее, череда боевых колесниц ползла вдоль извилистого русла долины. На передовой колеснице стоял мальчик и, держась за поручень, разглядывал обступавшие долину скалы. Стену утесов усеивали входы в древние гробницы, вырубленные в камне, отчего она напоминала пчелиные соты. Черные отверстия смотрели на путников, будто неумолимые глаза мириада джиннов. Вздвогнув, царевич Нефер-Мемнон отвел взгляд. Незаметно сделал левой рукой знак, отгоняющий зло.

Оглянувшись через плечо на колонну, царевич заметил, что Таита из идущей следом колесницы наблюдает за ним сквозь густое облако пыли. Пыль окутывала старика и его повозку тончайшей пленкой. Одиноким луч солнца, проникнув в глубокую долину, заиграл на содержащихся в пыли частицах слюды, и осиянный блеском Таита показался вдруг мальчику воплощением некоего бога. Нефер быстро отвел взгляд, боясь, что наставник прочтет эти суеверные мысли. Царевичу из династии Тамоса не к лицу поддаваться слабостям, особенно когда он уже стоит на пороге возмужания. Однако Таита знает его, как никто другой, ведь он с младенчества состоял при Нефере воспитателем и был ему ближе родителей или братьев и сестер. Выражение глаз Таиты не изменилось, но даже с такого расстояния они способны были заглянуть в самую душу Нефера. Все видят, все понимают.

Нефер отвернулся и встал во весь рост рядом с отцом; тот правил лошадьми при помощи вожжей и подготавливал их ударами длинного бича. Долина перед ними вдруг раскрылась амфитеатром, на котором раскинулись величественные руины города Галлалы. Неферу давно не терпелось увидеть воочию место прославленной битвы. Еще в молодые годы Таита сражался в ней бок о бок с полубогом Таном, вельможей Харрабом, и разгромил темные силы, угрожавшие самому существованию Египта. Это было шестьдесят с лишним лет назад, но Таита поведал ему о схватке в таких подробностях, а рассказ его был таким красочным, что Неферу казалось, будто он сам присутствовал там в тот судьбоносный день.

Отец Нефера, бог и фараон Тамос, подвел колесницу к обрушившимся воротам и натянул поводья. Следующие за ними сто колесниц одна за другой повторяли тот же маневр, и колесничие принялись спрыгивать с подножек, спеша напоить лошадей. Когда фараон отворил уста, чтобы заговорить, налет пыли на его щеках пошел трещинками и стал осыпаться на грудь.

— Вельможа! — окликнул фараон Великого льва Египта, вельможу Наджу, командующего его войсками и любимого друга. — Нам следует уехать отсюда прежде, чем солнце коснется вершин холмов. Я намерен предпринять ночной переход через дюны Эль-Габара.

Усыпанная слюдяной пылью синяя военная корона на голове Тамоса блестела; его глаза, обращенные на Нефера, были налиты кровью, в уголках их чернела налипшая грязь.

— Здесь я оставлю тебя с Таитой, — сказал он сыну.

Нефер все-таки открыл рот, собираясь возразить, хотя и понимал, что это бесполезно. Замысел фараона предусматривал зайти с юга, через Большие дюны, пробраться между горькими соляными озерами и, обрушившись с тыла, сделать пролом в середине вражеского строя, куда волеются египетские полки, ждущие на берегу Нила перед Абнубом. Объединив силы, Тамос соби-

рался оттеснить врага, пока тот не опомнился, за Тельель-Дабу и захватить крепость Аварис.

То был смелый и умный план, который в случае успеха обещал одним ударом завершить войну с гиксосами, бушевавшую вот уже два поколения. Нефер рос в убеждении, что сражаться и проявлять доблесть — единственные цели его существования на этой земле. И вот вскоре ему исполнится четырнадцать лет, однако и первое, и второе все еще ему недоступно. Всей душой царевич стремился снискать победу и бессмертие в ратном строю рядом с отцом.

Фараон пресек не успевший сорваться с губ юноши протест:

— Каков первый долг воина?

— Повиноваться приказу, ваше величество, — с неохотой промолвил Нефер, опустив взгляд.

— Никогда не забывай об этом. — Фараон кивнул и отвернулся.

Царевичем овладели обида и отчаяние. Глаза у него защипало, верхняя губа затряслась. Но взгляд Таиты заставил его сдерживать чувства. Парнишка заморгал, чтобы прогнать слезы, плеснул в лицо водой из привязанного к поручням колесницы меха и лишь затем повернулся к старому магу, тряхнув копной густо припорошенных пылью волос.

— Покажи мне монумент, Тата, — велел он.

Эти двое, так не похожие друг на друга, стали пробираться сквозь толчею колесниц, людей и лошадей, запрудивших узкие улицы разрушенного города. Двадцать воинов, раздевшись из-за жары догола, спустились в глубокую расселину к древнему колодцу и по цепочке стали ведрами поднимать скудно текущую и горьковатую воду на поверхность.

Некогда здешние колодцы были достаточно изобильными, чтобы обеспечивать богатый и густонаселенный город на торговом пути между Нилом и Красным морем. Затем, много веков назад, землетрясение нарушило

водоносный слой и перекрыло подземный поток. Галла-ла умерла от жажды. Теперь в колодце воды едва хватило, чтобы напоить две сотни лошадей и наполнить меха.

Таита повел Нефера по узким улочкам, мимо храмов и дворцов, в которых теперь обитали лишь ящерицы и скорпионы. Наконец они достигли руин центральной площади. Посередине стоял монумент в честь повелителя Тана и его победы над армией разбойников, которые едва не задушили в своей петле богатейший и могущественнейший народ на свете. Памятник представлял собой пирамиду из человеческих черепов, скрепленных раствором и огражденных плитами красного камня. Более тысячи мертвых ртов ухмылялись парнишке, пока тот читал вслух надпись на каменном портике: «Наши отрубленные головы свидетельствуют о битве, состоявшейся на этом месте, в которой мы все полегли под мечом Тана, вельможи Харраба. Пусть грядущие поколения убедятся на примере деяний этого великого господина в славе богов и силе праведников. Сие начертано в четырнадцатый год царствования божественного фараона Мамоса».

Присев на корточки в тени монумента, Таита наблюдал, как царевич обходит памятник. Сделав несколько шагов, парнишка останавливался, упирал руки в бедра и внимательно вглядывался. Хотя лицо Таиты казалось безучастным, в его глазах светилось тепло. Его любовь к этому мальчику брала свое начало в жизни двух других людей. Прежде всего это была Лостра, царица Египта. Таита был евнухом, оскопленным сразу после наступления половой зрелости и успевшим лишь раз познать женщину. По причине физического увечья любовь Таиты была чиста, и всю ее он обратил на царицу Лостру, бабушку Нефера. Чувство это было столь всепоглощающим, что даже теперь, спустя двадцать лет после ее смерти, любовь к Лостре лежала в самой основе существования старика.

Другим человеком, ради которого он полюбил Нефера, был Тан, вельможа Харраб, в чью честь и был воз-

двигнут монумент. Для Таиты он был дороже родного брата. Оба они, Лостра и Тан, уже ушли, но их кровь струилась в жилах их потомков. Плодом их тайного союза был сын, который впоследствии стал фараоном Тамосом и вел теперь отряды колесниц, доставивших их сюда. То был отец царевича Нефера.

— Тата, покажи мне, где вы захватили главного среди князей разбойников. — Голос Нефера срывался от волнения и от того, что ему пришлось время ломаться. — Здесь? — Он подбежал к пролому в южной стене. — Расскажи мне ту историю снова.

— Нет, это было там, на той стороне.

Поднявшись, Таита прошагал на своих длинных и тощих, как у цапли, ногах к восточной стене и указал на выщербленную верхушку:

— Негодяя звали Шуфти, он был одноглазый и уродливый, как бог Сет. Он пытался убежать, перебравшись через стену здесь.

Старик наклонился и поднял с земли кусок обожженного кирпича, потом вдруг с силой метнул его. Обломок перелетел через стену.

— Вот так одним ударом я проломил ему череп и спустил вниз.

Хотя Нефер лучше других знал силу наставника и наслушался легенд о его выносливости, бросок его изумил. «Он ведь старый, как горы, старше моей бабушки, — удивлялся царевич. — Говорят, будто Таита повидал двести разливов Нила и построил пирамиды собственными руками». Он спросил, указывая на жуткий монумент:

— Это ты, Тата, отрубил ему голову и поместил в эту кучу?

— Тебе прекрасно известна эта история, ведь я раз сто рассказывал ее тебе. — Таита сделал вид, что скромность мешает ему хвастаться своими подвигами.

— Расскажи еще раз!

Таита сел на край каменной плиты, а юноша устроился у его ног в радостном ожидании. Он слушал, затаив

дыхание, до тех самых пор, пока рога колесничих не издали рев, умирающим эхом прокатившийся среди черных скал.

— Фараон призывает нас. — Таита встал и направился обратно к воротам.

За стенами царила суета и спешка — отряд готовился к переходу через дюны. Воины снова наполняли мехи с водой и проверяли упряжь колесниц, прежде чем взойти на них.

Поверх голов своих приближенных фараон заметил эту пару, проходящую через ворота, и кивком подозвал Таиту. Вместе они отошли на несколько шагов в сторону, чтобы командиры отряда не могли слышать их. Когда вельможа Наджа сделал попытку присоединиться к ним, Таита прошептал царю несколько слов, и тот, повернувшись, одним словом вернул Наджу на место. Покраснев от обиды, вельможа метнул на Таиту взгляд яростный и острый, как боевая стрела.

— Ты оскорбил Наджу, — предупредил фараон. — А я не всегда могу быть рядом, чтобы защитить тебя.

— Мы не можем доверять никому, — возразил Таита. — До тех пор, пока не отрубим голову змее предательства, обвинившей колонны твоего дворца. До твоего возвращения из похода на север только нам двоим должно быть известно, куда я увезу царевича.

— Но Наджа! — Фараон со смехом пожал плечами.

Наджа был ему как брат, они вместе прошли по Красной дороге.

— Даже Наджа, — отрезал старик.

Его подозрения переросли наконец в уверенность, но он не располагал еще доказательствами достаточно вескими, чтобы убедить фараона.

— Царевич знает, зачем ты уводишь его в цитадель пустыни? — спросил Тамос.

— Ему лишь известно, что мы идем с целью углубить его знакомство с таинствами и поймать божественную птицу.

— Хорошо, Таита, — кивнул фараон. — Ты всегда был склонен к таинственности, но верен. Все решено, говорить больше не о чем. Нам пора, и пусть Гор возьмет под свое крыло тебя и Нефера.

— Почаще оглядывайтесь, ваше величество, потому как в эти дни враги не только перед вами, но и позади.

Фараон положил руку на плечо мага и крепко сжал. Кожа под его пальцами казалась тонкой, но твердой, как сухая кора акации. Затем он вернулся к своей колеснице, где его ждал Нефер; вид у царевича был обиженный, будто у щенка, которому велели убираться в свою будку.

— Божественный фараон, в отряде сражаются люди и помоложе меня, — предпринял царевич последнюю отчаянную попытку убедить отца взять его с собой.

Фараон знал, что мальчик прав. Мерен, внук прославленного полководца Крата, был младше его сына на три дня, а сейчас ехал вместе со своим отцом в качестве копейщика на одной из передовых колесниц.

— Когда же ты возьмешь меня с собой в битву, папа?

— Наверное, после того, как ты пройдешь по Красной дороге. После этого даже я не смогу запретить тебе.

То было пустое обещание, и оба это знали. Пробег по Красной дороге был почетным испытанием на умение обращаться с лошадьёю и с оружием, пройти которое могли немногие воины. Это испытание иссушало, изматывало и зачастую убивало даже сильных мужчин во цвете лет, имеющих прекрасную подготовку. Неферу до этого дня было еще далеко.

Затем строгое лицо фараона смягчилось, и он сжал плечо сына — то было единственное проявление нежности, какое он мог позволить себе на глазах у войска.

— Пока же я повелеваю тебе отправляться с Таитой в пустыню, чтобы ты изловил свою божественную птицу и тем самым доказал принадлежность к царскому роду и свое право надеть в один прекрасный день двойную корону.

Стоя у разрушенных стен Галлалы, Нефер и старик смотрели на проходящую мимо колонну. Во главе ехал фараон. Обернув вожжи вокруг кистей и откинувшись назад, он сдерживал коней; грудь его была обнажена, льняная юбка хлестала по мускулистым ногам. Синяя военная корона делала его выше и придавала облику нечто божественное.

За ним следовал Наджа, почти такой же высокий и красивый.

Лицо вельможи выражало надменность и гордыню, за спиной висел кривой лук. Наджа был одним из величайших воинов нынешнего Египта и имя свое получил как знак отличия: слово «наджа» означало священную кобру в царской короне-урее. Фараон Тамос пожаловал ему это имя в тот самый день, когда они вместе успешно прошли испытание Красной дорогой.

Царевича Наджа не удостоил даже взглядом. Колесница фараона скрылась в темном проеме между дюнами, прежде чем последняя в строю миновала место, где стоял Нефер. Мерен, друг и сообщник царевича по мальчишеским проделкам, рассмеялся Неферу в лицо и сделал неприличный жест. Потом заорал с издевкой, перекрывая скрип осей и шум колес:

— Я принесу тебе голову Апепи — поиграть!

Царевич с ненавистью посмотрел вслед приятелю. Апепи был царем гиксосов, а в игрушках Нефер не нуждался — он уже взрослый, хотя отец и отказывается это признавать.

Вот колесница Мерена скрылась, пыль улеглась, а двое оставшихся еще долго молчали. Потом Таита повернулся и без единого слова зашагал к стреноженным лошадям. Он подтянул у скакуна подпруту, затем подобрал подол и запрыгнул в седло с ловкостью, изумительной в его годы. Едва оказавшись верхом, маг словно слился с животным в единое целое. Неферу вспомнилась легенда, что его учитель был первым из египтян, овладевшим искусством обращения с лошадей. Он до сих пор носил титул начальника Десяти Тысяч колесниц,

возложенный на него вместе с Золотом Похвалы двумя разными фараонами.

И уж точно он был одним из тех немногих, кто отваживался ездить верхом. Большинство египтян избегало этого, почитая занятие постыдным и унижительным, не говоря уж про опасность.

Нефер подобными предрассудками не страдал, и стоило ему запрыгнуть на спину своему любимому молодому жеребцу Звездочету, как его мрачное настроение начало понемногу рассеиваться. Ко времени когда они взобрались на гряду холмов над разрушенным городом, парнишка снова стал самим собой — кипящим энергией юнцом. Царевич бросил последний долгий взгляд на шлейф пыли в северной стороне, где скрылся отряд, потом решительно повернулся к нему спиной.

— Куда мы направляемся, Тата? Ты обещал сказать, как только мы двинемся в путь.

Таита всегда отличался скрытностью, но мало что он таил так упорно, как конечную цель их путешествия.

— Мы едем в Гебель-Нагару, — наконец сообщил маг.

Никогда прежде Неферу не приходилось слышать этого названия. Он повторил его вслух. Оно звучало как-то интригующе, заманчиво. От возбуждения у юноши мурашки пробежали по спине; охваченный зовом странствий, он устремил взор в великую пустыню. Бесконечная череда зазубренных мрачных гор тянулась на горизонте, теряясь в синеватой дымке.

Окраска неприютных скал удивляла глаз: черно-синий цвет грозовых туч, желтый, как оперение птицы-ткачика, багровый оттенок рассеченной плоти. Все ярко сверкало, словно кристалл; в жарком мареве горы подрагивали, словно танцуют.

Таита смотрел на этот неприглядный пейзаж с чувством ностальгии, предвкушая возвращение домой. Именно в эту глушь он удалился после смерти своей возлюбленной царицы Лостры. Уполз, как раненый зверь.

Но годы уходили, унося с собой боль, и постепенно Таита вновь обратился к мистериям и пути великого бога Гора.

В уединение он отправлялся целителем и хирургом, магистром известных людям наук. В пустыне Таита нашел ключи к воротам и дверцам разума и духа, в которые никогда не входили смертные. Он проник в них человеком, а вышел сродником великого бога Гора и адептом тайн столь странных и темных, что трудно себе представить.

Когда Таита только-только вернулся в мир людей, в пещере отшельника в Гебель-Нагаре, где он тогда обитал, его посетила во сне царица Лостра. Она снова предстала перед ним пятнадцатилетней девушкой, свежей и желанной, как роза пустыни, расцветшая в первый раз, лепестки которой усеяны капельками росы. Даже во сне сердце его наполнилось любовью так, что грозило разорваться в груди.

— Милый Таита, — прошептала Лостра, коснувшись его щеки, чтобы пробудить. — Ты один из двух мужчин на всем белом свете, кого я любила. Тан теперь со мной, но прежде чем ты тоже придешь ко мне, тебе предстоит исполнить еще одно мое поручение. Ты никогда меня не подводил, Таита. Могу ли я быть уверена, что не подведешь и сейчас?

— Повелевай, госпожа. — Собственный голос странно раздался у него в ушах.

— Этой ночью в Фивах, моей стовратной столице, родился младенец — сын моего сына. Ребенку дадут имя Нефер, что означает чистоту и совершенство тела и духа. Мое сокровенное желание, чтобы плоть от плоти моей и Тана вознеслась на трон Верхнего Египта. Но страшные и многочисленные опасности уже сгущаются вокруг малыша. Без твоей помощи ему не преуспеть. Лишь ты способен защитить его и направить. Годы, проведенные в одиночестве в этой глуши, твои умения и навыки — все они предназначались для этой единственной цели. Сту-

пай к Неферу. Поспеши к нему и оставайся рядом до тех пор, пока цель не будет достигнута. Затем приходи ко мне, милый Таита. Я буду ждать, а твое отнятое мужское достоинство возвратится к тебе. Ты займешь место рядом со мной, целый и невредимый, и будешь держать мою руку в своей руке. Не подведи меня, Таита.

— Ни за что! — воскликнул Таита во сне. — Пока ты была жива, я ни разу не подвел тебя. Не подведу и после смерти.

— Знаю. — Лостра подарила ему сладкую призрачную улыбку.

И облик ее померк в пустынной ночи.

Таита проснулся с лицом, мокрым от слез, и стал собирать свои скудные пожитки. У выхода из пещеры он задержался, лишь чтобы определить по звездам путь. Нашел глазами особо яркую звезду богини. На семидесятый день после смерти царицы, в ту ночь, когда долгий ритуал бальзамирования тела был окончен, эта звезда вдруг вспыхнула в небесах: большая, красная, она появилась там, где ее никогда не наблюдали прежде. Таита разыскал ее в небе и прошептал обещание. А затем пустился в обратный путь по западной пустыне, к Нилу и Фивам, прекрасным стовратным Фивам.

Это случилось четырнадцать лет назад, и теперь маг тосковал по уединенным местам, ибо лишь там его дарования раскрывались в полную силу, позволяя исполнить задачу, что возложила на него Лостра. Только там он мог передать часть своего могущества царевичу. Маг понимал, что темная ненависть, о которой предупреждала его госпожа, собирается вокруг них.

— Вперед! — сказал он мальчику. — Идем и добудем твою божественную птицу.

На третью ночь после выхода из Галлалы, когда созвездие Диких Ослов поднялось к зениту в северном ночном небе, фараон остановил отряд, чтобы напоить лошадей и дать людям возможность перекусить вяленным

мясом, финиками и холодными лепешками из дурры. Затем отдал приказ выступать в путь. В бараний рог не трубили: на этих землях часто разъезжали на колесницах дозоры гиксосов.

Колонна на рысях пошла дальше. Местность начала меняться прямо на глазах. Отряд наконец оставил позади неприютные земли пустыни и вернулся к подножию холмов, протянувшихся вдоль речной долины.

Воины видели внизу полосу густой растительности вдоль великого Отца-Нила, далекой и темной в свете луны. Обогнув Абнуб, они зашли в тыл стоящему близ реки главному войску гиксосов. Хотя отряд казался слишком малочисленным, чтобы выступать против такого врага, как Апепи, он состоял из лучших колесничих во всей армии Тамоса, а значит, лучших во всем мире. Помимо этого, помочь им должна была внезапность.

Когда фараон в первый раз предложил этот замысел и заявил, что лично поведет войска, военный совет принялся возражать ему настолько решительно, насколько возможно противоречить слову бога. Даже старый Крат, некогда самый отчаянный и свирепый вояка во всей Египте, дернул себя за густую седую бороду и взревел:

— Клянусь покрытой чирьями крайней плотью Сета, я не для того менял твои сраные пеленки, чтобы теперь вот так взять и послать тебя прямо в любящие объятия Апепи!

Наверное, он был единственным, кто мог позволить себе разговаривать с божественным царем в таком тоне.

— Поручи это поганое занятие кому-нибудь другому, — продолжал полководец. — Возьми под начало колонну, которая пойдет на прорыв, если тебе так надо, только не отправляйся в пустыню на корм упырям и джиннам. Ты — это Египет. Если Апепи заполучит тебя, то заполучит нас всех.

Из всего совета только Наджа поддержал царя, но Наджа всегда был предан и верен. И вот теперь они пересекли пустыню и зашли врагу в тыл. Завтра на рассвете

отряд пойдет в отчаянную атаку, которая разрежет армию Апеги и позволит еще пяти отрядам фараона, то есть тысяче колесниц, ворваться в этот коридор и присоединиться к царю. Тамос уже ощущал на губах сладость победы. Не успеет следующая полная луна выйти на небо, как он уже будет пировать во дворце Апеги в Аварисе.

Почти два столетия минули с тех пор, как Египет распался на Верхнее и Нижнее царства. Северной державой правил либо египетский выскочка, либо иностранный захватчик. Тамосу судьбой предначертано изгнать гиксосов и снова объединить страну. Лишь тогда он сможет носить двойную корону с полным правом и с одобрения всех древних богов.

Ночной воздух оведал ему лицо, достаточно холодный, чтобы онемели щеки. Копейщик присел, скрючившись за передком колесницы, чтобы не замерзнуть. Раздавались лишь скрип колес по крупной гальке да позвякивание копий в чехле. Время от времени по колонне прокатывалось предупреждение: «Берегись, яма!»

Неожиданно впереди открылось широкое, сейчас сухое русло Гебель-Вадун, и фараон Тамос остановил упряжку. Пересохшее русло напоминало гладкую дорогу, ведущую в плодородную равнину реки. Передав вожжи копейщику, фараон спрыгнул на землю и потянулся, чтобы размять затекшие, ноющие члены. Не оборачиваясь, он слышал, как у него за спиной остановилась колесница Наджи. Затем раздались его легкие, твердые шаги.

— Начиная с этого места, опасность быть обнаруженными усиливается, — сказал Наджа. — Посмотри туда.

Вельможа простер длинную мускулистую руку над плечом фараона. Там, где сухое русло вливалось в долину внизу, виднелся свет — неяркий желтоватый огонек масляной лампы.

— Это деревня Эль-Вадун. Там ждут наши лазутчики, чтобы провести нас через дозоры гиксосов. Я пойду

вперед и проверю, все ли в порядке. Оставайтесь здесь, ваше величество. Я скоро вернусь.

— Я пойду с тобой.

— Не надо. Это может быть опасно. Прошу тебя, Мем. — Наджа назвал царя его детским именем. — Ты — это Египет. Ты слишком ценен, чтобы подвергаться такой опасности.

Фараон обернулся и посмотрел на красивое узкое лицо друга. В свете звезд зубы Наджи блеснули в улыбке; Тамос тронул его за плечо, легко, но вложив в жест любовь и доверие.

— Ступай быстрее и так же быстро возвращайся, — промолвил он.

Наджа приложил ладонь к сердцу и побежал к колеснице. Проезжая мимо царя, он снова вскинул руку. Тамос улыбнулся в ответ, посмотрел вслед другу, спускающемуся в сухое русло. Добравшись до твердого песчаного дна, вельможа хлестнул коней, и те поскакали в сторону деревни Эль-Вадун. Колесница прочертила темную колею в серебристом песке и вскоре исчезла за первым поворотом.

Проводив ее глазами, фараон вернулся к ожидающей колонне. Он спокойно разговаривал с воинами, называя многих по именам, смеялся, подбадривал их. Неудивительно, что люди любили его и охотно шли за ним, куда он поведет.

Вельможа Наджа правил осторожно, прижимаясь к южному берегу высохшей реки. То и дело он бросал взгляды на гребень холмов, пока не различил покосившуюся башню из обточенного ветрами камня; тогда он удовлетворенно хмыкнул. Немного далее находилось место, где едва различимая тропа отделялась от русла и вилась по крутому склону к подножию древней башни.

Коротко кивнув своему копейщику, Наджа спрыгнул с подножки, поправил за плечом лук. Затем отцепил от колесницы глиняный горшок и двинулся вверх по тропе — настолько незаметной, что, не знай он на память

каждый поворот, раз десять бы сбился с пути, прежде чем добрался до верха.

Наконец вельможа залез на верхушку башни. Та была построена века назад и успела наполовину разрушиться. Подходить к краю он не стал — за ним начинался обрыв, уходящий к равнине внизу. Вместо этого Наджа разыскал заблаговременно спрятанную им самим в нише стены охапку хвороста, наскоро сложил дрова пирамидкой, затем раздул хранящиеся в горшке угольки, а когда те заалели, бросил на них пригоршню сухой травы. Та вспыхнула, и египтянин зажег с ее помощью свой маяк. Он не пытался укрыться, а, напротив, стоял так, чтобы дозорный снизу мог видеть его в свете костра на башне. Когда хворост прогорел и пламя угасло, Наджа сел и стал ждать в темноте.

Немного спустя он услышал шуршание гальки на каменной тропе у подножия башни и пронзительно свистнул. На сигнал поступил ответ, и вельможа встал. Он проверил, как выходит из ножен серповидный бронзовый меч, и наложил стрелу на тетиву лука, готовый в любую секунду спустить ее. Вскоре резкий голос окликнул его на языке гиксосов. Наджа свободно и естественно ответил на том же наречии, и по каменной лестнице зазвучали шаги по меньшей мере двух человек.

Даже фараон не знал, что мать Наджи была гиксоской. За десятилетия завоеватели усвоили многие из египетских обычаев. При недостатке собственных женщин многие гиксосы брали в жены египтянок, и с течением поколений кровь их смешалась.

На боевую площадку вступил высокий мужчина. Голову его плотно облегал бронзовый шлем, в окладистую бороду были вплетены пестрые ленточки. Гиксосы обожали яркие цвета. Мужчина раскинул руки.

— Благословение Сутеха да пребудет с тобой, брат, — пророкотал он, когда Наджа шагнул в его объятия.

— И да улыбнется он также тебе, брат мой Трок. Но у нас мало времени. — Наджа указал на первые персты рассвета, ласкавшие край неба на востоке.

— Ты прав, брат.

Военачальник гиксосов расцепил объятия, повернулся и взял из рук у стоявшего позади помощника полотняный сверток.

Расшевелив угасший костер, Наджа открыл сверток и в отблесках пламени стал рассматривать оказавшийся внутри колчан. Тот был вырезан из легкой прочной древесины и обшит дорогой кожей. Работа была превосходной, такое снаряжение подобало высокопоставленному военачальнику. Наджа открыл крышку и вынул стрелу; наскоро осмотрел ее, покрутил древко между пальцами, проверяя устойчивость.

Узнать гиксосскую стрелу не составляло труда. Хвостовое оперение было окрашено в яркие цвета, у каждого отряда свой, а на древке вырезалась личная метка стрелка. Даже если при попадании стрела не наносила смертельной раны, при попытке извлечь ее кремневый наконечник отделялся и оставался глубоко в ране, вызывая гангрену и приводя к медленной, мучительной смерти. Кроме того, кремнь гораздо тверже бронзы и при ударе о кость не гнется и не плющится.

Наджа опустил стрелу в колчан и приладил крышку на место. Нельзя брать столь приметную вещь с собой в колесницу. Если конюх или копейщик обнаружит ее среди вещей, ее присутствие будет очень сложно объяснить.

— Нам еще многое нужно обсудить. — Наджа присел и знаком предложил Троку сделать то же самое.

Несколько минут они переговаривались вполголоса, затем египтянин встал:

— Пора! Мы оба знаем, что от нас требуется. Время действовать наконец пришло.

— Да улыбнутся боги нашему предприятию!

Трок и Наджа снова обнялись, а затем, не сказав больше ни слова, Наджа ушел. Легко сбегав по лестнице башни, зашагал по узкой тропе вниз по склону.

Не дойдя до дна, он нашел место, где спрятать колчан. То была щель среди камней, раздвинутых корнями

колючего дерева. Отверстие Наджа прикрыл глыбой, размером и формой схожей с головой коня. Искривленные верхние сучья дерева образовывали приметный на фоне ночного неба крест. Найти это место будет легко.

Сделав это, вельможа двинулся по тропе к поджидающей на дне сухого русла колеснице.

Фараон Тамос заметил возвращающуюся колесницу и по нервной манере, в которой управлял ею Наджа, понял, что впереди не совсем ладно. Он негромко отдал отряду приказ занять места в колесницах и вооружиться, чтобы быть готовыми к любому повороту событий.

Колесница Наджи загрохотала, поднимаясь по тропе со дна русла. Через мгновение вельможа натянул вожжи рядом с повозкой фараона и спрыгнул на землю.

— Что стряслось?

— Боги приготовили нам дар! — Голос Наджи дрожал от возбуждения. — Они предадут Апепи беззащитным в наши руки.

— Как такое возможно?

— Мои лазутчики проводили меня к месту, где разбил лагерь вражеский царь. Это совсем недалеко отсюда. Его палатки прямо за ближайшей грядой холмов, вон там. — Царедворец указал направление обнаженным мечом.

— Ты уверен, что это Апепи? — Тамос едва мог справиться с волнением.

— Я прекрасно разглядел его в свете костра. Каждую черточку его лица, его крючковатый нос и бороду, отливающую серебром в отблесках огня. Его фигуру ни с чем нельзя спутать. Он на голову выше всех вокруг, и на нем корона стервятника.

— Какие при нем силы?

— С привычной своей самоуверенностью Апепи взял лишь охрану, меньше пяти десятков. Я их пересчитал. Половина спит, составив пирамидой копья. Царь ничего не подозревает, его костер ярко полыхает. Мы стремительно появимся из темноты, и он в наших руках.

— Веди меня туда, где стоит Апеги! — велел фараон, запрыгивая на подножку.

Наджа двинулся вперед. Мягкий серебристый песок заглушал звук колес. В сверхъестественной тишине отряд одолел последний поворот, и Наджа вскинул кулак, давая знак остановиться. Фараон подвел свою колесницу к его и перегнулся через поручни:

— Где лагерь Апеги?

— За гребнем. Я оставил лазутчиков наблюдать за ним. — Наджа указал на тропу и дозорную башню на холме. — Это на дальнем краю укромного оазиса. Источник со сладкой водой и финиковые пальмы. Шатры царя стоят среди деревьев.

— Мы вышлем небольшой дозор, чтобы осмотреть лагерь. И только тогда решим, как атаковать.

Отдав короткий приказ, Наджа выбрал пятерых воинов в разведку. Каждый из них был связан с ним кровной клятвой. Это были его люди, рукой и сердцем.

— Обмотайте ножны тканью, — велел им Наджа. — Чтобы не гремели.

Затем, взяв изогнутый в обратную сторону лук, ступил на тропу. Фараон шел рядом. Они шагали быстро, но тут Наджа заметил крестообразные сучья дерева, выделяющиеся на фоне неба. Он резко остановился и вскинул правую руку, призывая к молчанию. Потом прислушался.

— В чем дело? — шепотом спросил фараон.

— Мне показалось, что я слышу на гребне голоса. Говорят по-гиксосски. Подождите здесь, ваше величество, я проверю дорогу впереди.

Фараон и пятеро разведчиков присели рядом с тропой, а Наджа крадучись пошел дальше. Обогнув большой валун, он исчез из виду. Минуты тянулись медленно, и Тамос начал нервничать. Быстро приближался рассвет. Царь гиксосов скоро снимется с лагеря и выскользнет из ловушки.

Тихий свист заставил его вскочить. Это было искусное подражание соловьиной трели.